

УДК 316.485.26

## КОММУНИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕРРОРИЗМА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АНУФРИЕНКО С.В.

### АННОТАЦИЯ

Определены и рассмотрены причины повышенного интереса террористов к освещению в средствах массовой информации. Исследованы особенности современного терроризма, его цели и средства их достижения через каналы массовой коммуникации. Сформулированы основные задачи коммуникационной стратегии терроризма.

**Ключевые слова:** терроризм; средства массовой информации; коммуникационная стратегия; национальная безопасность.

## COMMUNICATION STRATEGY OF TERRORISM AS A THREAT FOR NATIONAL SECURITY

ANUFRIENKO S.V.

### ABSTRACT

The reasons of terrorists' keen interest in mass media coverage are defined and considered. The particular features of terrorism, its goals and the means of achieving through the channels of mass communication are studied. The main objectives of terrorist strategy of communication ARE FORMULATED.

**Keywords:** terrorism; mass media; communication strategy; national security.

В конце XX века международное сообщество столкнулось с резким обострением террористической деятельности, которая нарастает с каждым днем, приобретая все более жестокие формы. После террористических актов в США 11 сентября 2001 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1373 от 28 сентября 2001 года о сотрудничестве в борьбе против терроризма, обязывающую все государства-члены ООН воздержаться от поддержки, финансирования и предоставления убежища террористам [1].

Однако эта резолюция не учитывает один из самых важных компонентов терроризма, позволяющий многократно повысить эффект от террористического акта. Речь идет о роли средств массовой информации (СМИ) в освещении терроризма и о механизмах их взаимодействия. С одной стороны, террористы нуждаются в средствах массовой информации для распространения своих идей, с другой стороны, сами

СМИ также используют террористов и информацию о них для привлечения и расширения своей аудитории. Оба подпитывают и эксплуатируют друг друга, реализуя каждый свои интересы: террористы – политические, СМИ – коммерческие. Неслучайно в Российской Федерации деятельность террористических организаций признается на официальном уровне одним из опасных вызовов информационной безопасности [2, с.16].

Российский исследователь С. Расторгуев отмечает, что не так страшен сам террористический акт, как его мотивация, идеология и психологическая атмосфера, возникающая в обществе в результате его реализации [3, с.403]. Данный автор рассматривает терроризм как часть информационной операции, которая содержит элемент универсального воздействия на аудиторию независимо от характеристик распространителя и получателя сообщения.

Многие исследователи характеризуют

ют взаимодействие СМИ и терроризма как отношения лучших друзей. Так, Дж. Лукажевски называет их неразлучными «родственными душами» [4]. Бывшему премьер-министру Великобритании М. Тэтчер принадлежит знаменитое высказывание о СМИ как «о поставщике кислорода, без которого террористы не смогли бы выжить» [5, с.61]. На взгляд С. Хиршмана, терроризм представляет собой стратегию «слабых против сильных», успешная реализация которой зависит от освещения в СМИ [6, с.27]. Украинский ученый Г. Почепцов сравнивает симбиоз СМИ и терроризма с «сиамскими близнецами», равнозначно рассматривая в качестве военного действия как сам теракт, так и его подробное освещение в средствах массовой информации [7, с.119, 164, 169.]. По его мнению, терроризм покоится на существенной информационной составляющей и напрямую зависит от инструментария СМИ, которые являются полем для достижения целей террористов.

Центральная идея всех этих точек зрения состоит в том, что резонанс от террористических акций является обязательным компонентом каждого теракта. Можно констатировать наличие явно выраженной потребности террористов в информационном освещении их действий.

Центральная идея всех этих точек зрения состоит в том, что резонанс от террористических акций является обязательным компонентом каждого теракта. Без подробного освещения в средствах массовой информации он теряет всякий смысл. В случае лишения террористов доступа к СМИ исследователи прогнозируют существенное сокращение количества атак с их стороны и деструктивного влияния на общество.

Следует отметить, что СМИ сравнительно недавно превратились в неотъемлемый элемент коммуникативной стратегии терроризма. Зарождение своеобразных отношений между ними объясняется О. Будницким [8, с.7], А. Шмидом [9, с.541]

и некоторыми другими учеными развитием новых способов передачи информации, в частности, изобретением телеграфа. По их мнению, терроризм и СМИ всегда развивались параллельно. Если известие о теракте в XIX веке могло стать достоянием общественности только через несколько дней или недель – в зависимости от расстояния, то в конце XX века время на передачу сообщений исчислялось уже в минутах, что способствовало активизации террористической деятельности.

Б. Хоффман связывает появление повышенного интереса террористов к СМИ с двумя значимыми технологическими событиями – возможностью широко использовать электрическую энергию в типографском производстве и вести регулярное спутниковое телевидение [10, с.136-137]. Первая информационная революция в 1870-х гг. позволила облегчить и усовершенствовать типографский процесс, сократить затраты на печать и, самое главное, дала возможность средствам массовой информации распространять свои сообщения с большей оперативностью, чем ранее. Именно с этого периода начинается взаимодействие СМИ и терроризма. Так, например, в царской России уже в конце XIX века революционная организация «Народная воля», применявшая стратегию «пропаганды действием» посредством убийства высокопоставленных государственных лиц, использовала печатные СМИ в качестве средства распространения своих идей в массы.

Второй информационный прорыв в конце 60-х – начале 70-х годов XX века связан не только с возникновением спутникового телевидения, но и с изобретением видеозаписи и компактного переносного оборудования, что позволило осуществлять радио- и телетрансляции непосредственно с места события на огромные территории в режиме реального времени. Одним из первых терактов, вызвавшим международный резонанс, был захват и убийство спортивной

команды Израиля на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году. Невиданный охват аудитории и мгновенная скорость передачи новостей продемонстрировали в полной мере эффективность СМИ как канала по передаче информации о террористах и их политических целях. Кроме того, выяснилось, что виртуальная реальность имеет более сильное воздействие на аудиторию, чем сам факт произошедшего теракта.

Это трагическое событие в равной степени повлияло как на тематическое содержание новостей и их верстку, так и на схему проведения террористических акций, организаторы которых стали непременно учитывать элементы зрелищности и драмы. По мнению Д. Рапопорта, СМИ доказали, что «они необходимы терроризму так же, как и оружие» [11, с.33]. Б. Хоффман придает также немаловажное значение в стимулировании взаимодействия СМИ и терроризма появлению в начале 1990-х годов круглосуточных новостных телеканалов, таких, как Си-Эн-Эн, Би-Би-Си, Фокс ньюс [10, с.150-151].

Представляется целесообразным добавить еще одно значительное событие, ознаменовавшее новый этап технологического развития в области массовой коммуникации, а именно, всемирное распространение в конце XX – начала XXI вв. Интернета. Интернет позволяет проводить видеоконференции и обмениваться любыми сообщениями с огромным количеством пользователей при отсутствии на данный момент правовых основ регулирования и контроля за информационными потоками в виртуальном пространстве.

В настоящее время многие крупные террористические группировки располагают электронными сайтами в Интернете, используя их как мощное дезинформационное и пропагандистское средство. Некоторые террористические организации имеют представителей по связям с общественностью, в обязанности которых входит изучение потенциала и функционирования разных типов СМИ

в кризисной ситуации. В случае захвата заложников террористы детально продумывают коммуникационную стратегию, создавая максимум информационных поводов для устойчивого появления новых сообщений о теракте в СМИ. Основными способами достижения этой цели могут выступать неясные требования террористов, постоянная смена заявлений, приглашение на переговоры известных людей, политиков, журналистов, что обеспечивает устойчивый интерес аудитории и нагнетает напряжение.

Исследования Г. Вейманна [12, с.99-102], Р. Даулинга [13, с.12-24] и ряда других ученых показывают, что террористы тщательно подбирают место в процессе планирования и разработки теракта, учитывая потребности СМИ в пространстве и выразительной окружающей обстановке для получения ярких фотографий и телерепортажей. При подготовке террористической операции существенное внимание уделяется также времени выхода крупных национальных газет и новостных телепрограмм в эфир для получения максимального общественного отклика в минимальные сроки. Эксперт по терроризму Дж. Белл охарактеризовал сознательные усилия террористов в использовании СМИ следующей меткой фразой: «Абдул, не стреляй! Мы – не в прайм-тайме!» [14, с.48].

На данный момент в научном сообществе не существует общепринятого, разделяемого большинством исследователей, мнения по поводу трактовки понятия «терроризм». Существенным препятствием является акцентирование внимания политологов, правоведов, психологов, философов и других ученых на его разных аспектах.

Заинтересованность террористов в средствах массовой информации обусловлена целым рядом факторов, которые складываются из целей и методов ведения террористической деятельности. Однако их изучение невозможно без понимания существенных характеристик самого понятия

тия «терроризм» в современной его интерпретации. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент в научном сообществе не существует общепринятого, разделяемого большинством исследователей, мнения по поводу трактовки этого термина. Существенным препятствием является акцентирование внимания политологов, правоведов, психологов, философов и других ученых на его разных аспектах.

Известный американский терролог У. Лакер объясняет трудности интерпретации терроризма его основными составляющими – внезапностью, скандальностью и вопиющей жестокостью. По мнению ученого, исчерпывающего определения понятия «терроризм» не существует и в ближайшем будущем не предвидится, что, однако, не мешает изучению самого явления [15, с.190]. У. Лакер предлагает взять за основу дефиницию, рассматривающую терроризм как нелегитимное использование силы для реализации политических целей путем угрозы невинным людям, которая признается целым рядом отечественных и западных исследователей [16, с.79].

Некоторые ученые разделяют позицию У. Лакера, полагая, что попытки выйти за рамки лаконичного определения будут непродуктивны из-за глубокой внутренней противоречивости объекта исследования. В свою очередь, целый ряд других исследователей критикуют точку зрения об отрицании самой возможности выработать универсальное определение терроризма, что может, по их мнению, привести к обскурантизму и ложным выводам [17, с.8-9]. Они приходят к заключению, что формулировка У. Лакера не имеет аналитической ценности из-за ее расплывчатости, которая допускает свободную интерпретацию термина и его распространение на другие формы вооруженной борьбы.

Несмотря на многочисленные дефиниции, предлагаемые разными исследователями, можно проследить единую линию в выделении ключевых элементов современного терроризма. А. Шмидт и

А. Юнгман, проанализировав 109 определений современного терроризма, выявили наиболее часто встречающиеся его характеристики: 1) насилие (83,5%); 2) политика (65%); 3) страх (51%); 4) угроза (51%); 5) воздействие на психологическое состояние (41,5%); 6) выбор целей и жертв (37,5%); 7) спланированная в международном масштабе и системно организованная деятельность (32%); 8) методы ведения боя, тактика, стратегия (30,5%) [18, с.5-6]. По нашему мнению, некоторые из перечисленных компонентов тесно переплетаются между собой, т.е. вытекают один из другого («страх», «насилие», «угроза») или являются понятиями одного уровня («методы ведения боя», «системно организованная деятельность», «воздействие на психологическое состояние»), а значит, могут подлежать объединению.

Мы полагаем, что существенные черты современного терроризма отчетливо проявляются в целях, объекте, способе и нелегитимности насильственных действий, а именно: 1) наличии политических мотивов; 2) использовании силы, главным образом, против невооруженных лиц; 3) достижении целей посредством создания атмосферы страха; 4) негосударственном применении насилия.

Обобщение этих признаков позволяет выработать определение терроризму, который, на наш взгляд, представляет собой стратегию и тактику действий, основанных на систематическом преднамеренном запугивании населения со стороны негосударственных акторов посредством разрушения собственности, физического уничтожения или нанесения морального ущерба, направленных преимущественно против гражданских объектов и используемых как механизм давления на органы государственной власти для достижения политических и иных целей.

Однако вне зависимости от широкого спектра точек зрения по поводу определения терроризма, большинство ученых придают особое значение его насильственной коммуникационной деятель-

ности, в результате которой невольными участниками теракта кроме самих террористов становятся еще две стороны – жертвы и аудитория. Так, А. Шмид и Дж. де Граф подчеркивают, что терроризм требует наличия как непосредственной жертвы насилия, так и группы, являющейся объектом влияния и целью этого насилия [19, с.15]. С. Комбс называет терроризм синтезом войны и театра, драматизирующим насилие, которое разыгрывается на глазах у аудитории с целью вызвать страх [20, с.8].

По мнению Ф. Хакера, террористы, стремясь к признанию и легитимности их действий, играют с аудиторией и для аудитории и в то же время нуждаются в ее участии [21, с.34]. Данный автор рассматривает терроризм как своеобразный способ общения с обществом, который может быть осуществлен только при участии СМИ. Отталкиваясь от известной модели коммуникации Г. Лассуэлла: Кто? Что? По какому каналу? Кому? С каким эффектом?, он предлагает свою коммуникационную модель, вписывающуюся в контекст терроризма: терроризм (отправитель) → сообщение (сообщение) → насилие (канал) → жертва (получатель) → СМИ (канал) → общественность (получатель) → эффект (цель) [22]. Согласно этой схеме терроризм имеет целью более широкую зону поражения, чем непосредственные жертвы, а передача насилия через СМИ усиливает эффект от террористического действия.

В XXI веке терроризм превратился в мощное средство политического давления на отдельные страны посредством общественного мнения. Ни одно государство в мире, включая США, не может игнорировать точку зрения международного сообщества – политиков, журналистов и гражданского населения. Сегодня степень эффективности террористической деятельности во многом зависит от ее распространения далеко за пределы отдельных стран с целью получения наибольшей огласки.

Независимо от выбора органов власти между «жестким» и «мягким» ответом на террористическую акцию, политическое противоборство окажется все равно проигранным государством при негативном освещении его действий в СМИ. Один из факторов, способствующий формированию неблагоприятного имиджа государства в борьбе с терроризмом, – отождествление этого термина с понятиями «террор» и «национально-освободительное движение». Нередко журналисты воспринимают эти слова как синонимы, тем самым дезинформируя аудиторию и неосознанно помогая террористам в достижении их целей. Между тем каждый из этих терминов имеет свои легко узнаваемые специфические характеристики.

Понятие «террор» применяется учеными для обозначения насилия, осуществляемого со стороны государства, которое опирается на мощь силовых структур страны [8, с.6]. Терроризм и террор отличаются не только на уровне организаторов насильственных действий, но и на уровне способа использования силы. В то время как оружием первого являются репрессии, оружием второго – террористические акты.

Отличие терроризма от национально-освободительного повстанческого или партизанского движения лежит в разных методах достижения целей. Действия партизан направлены непосредственно против вооруженных сил и сводятся к нанесению материального урона противнику, уничтожению его живой силы и военной техники, выводу из строя коммуникаций, захвату территории. Напротив, главной целью террористов является нанесение максимального психологического ущерба противнику посредством уничтожения в первую очередь мирного населения. По словам К. Хиршмана, «партизаны хотят завоевать территорию, а террористы – мышление» [6, с.27]. М. Хрусталева, говоря об отличиях между партизанской войной и терроризмом, использует для характеристики последнего термин «диверсион-

но-террористическая война», под которым он понимает «войну практически без непосредственных боевых столкновений, которую ведет «латентный» противник вне своей территории [23, с.55].

В выступлениях террористы всегда подчеркивают свою принадлежность именно к национально-освободительному движению, дистанцируясь от термина «терроризм». Вера в абсолютную справедливость их борьбы лежит в основе всех террористических организаций и является мощным психологическим оружием. Называя себя борцами за свободу, террористы не только снимают с себя ответственность за применение насильственных действий, но и перекладывают вину на своего врага. Легко прогнозируемая ответная реакция на теракт со стороны государства в виде суровых санкций – проверок, обысков, контртеррористических операций – помогает террористам в формировании негативного образа правительства и силовых структур.

Создание правительству образа угнетателя и жестокого деспота является самым распространенным методом террористов по дискредитации политики органов власти, а недооценка этой тактики может парализовать нормальное функционирование любого государства.

В настоящее время значение СМИ в коммуникационной стратегии терроризма существенно возросло по сравнению с началом XX века, что связано с глубокой трансформацией его форм, целей и способов борьбы. По мнению некоторых ученых, точку зрения которых мы поддерживаем, граница между «классическим» и «современным» терроризмом проходит по рубежу 70-80-х годов XX века [18, с.8]. В этот период произошел второй революционный прорыв в области развития СМИ, а также участились случаи террористических акций во всем мире с захватом заложников и взрывами в общественных местах, что повлекло за собой принятие целого ряда международных конвенций по борьбе с терроризмом.

Одной из особенностей современного терроризма является изменение и направленность на разные категории объектов насилия. Если в конце XIX – начале XX вв. теракты были нацелены на представителей конкретных социальных групп, имеющих власть и способных реализовать требования террористов, то сегодня насильственные действия применяются в первую очередь к случайным людям. Человеческие жизни стали выступать в качестве символических мишеней как средство для навязывания террористами политической повестки дня.

Необходимо подчеркнуть, что в этом случае насилие осуществляется в отношении одних лиц, а психологическое воздействие – других. Как отмечает Л. Трубицына, переживание экстремальной ситуации, подробно освещаемой в СМИ, может привести к массовой травматизации населения [24, с.30]. В состоянии сильного эмоционального стресса человек зачастую не способен оценить объективную опасность и тяжесть ситуации, обращая внимание на субъективное их восприятие. Пассивность аудитории в момент травмирующего события чаще влечет за собой более тяжелые последствия.

Деструктивное воздействие СМИ, прежде всего, связано со способом и тональностью интерпретации драматических событий. Средства массовой информации часто применяют приемы усугубления последствий травмы, подчеркивая и усиливая ощущение беспомощности. По данным отдела клинической психологии Научного центра РАМН, после захвата заложников в театре на Дубровке в октябре 2002 года около 20% москвичей, не имеющих среди заложников ни родственников, ни знакомых, испытали чувство шока, аналогичное симптомам посттравматического расстройства, характерное для участников боевых действий и настоящих жертв теракта [25]. Это дает основание отнести их к дополнительным пострадавшим.

Более того, конечный результат, пре-

следуемый террористами, достигается за счет действия третьих лиц – органов власти. Таким образом, террористы нуждаются в вовлечении как минимум трех сторон для реализации своих целей – непосредственных жертв, гражданского населения и властных структур, что становится возможным посредством совершения теракта, освещения его в СМИ и давления на правительство. В этой линейной цепочке СМИ занимают центральное место, выступая в качестве посредников, передающих послания террористов. При нарушении этой логики террористический акт оказывается изолированным от общества и представляет трагедию для сравнительно небольшого числа людей.

Опасной тенденцией является также превращение гражданских лиц не только в объект, но и субъект атаки. Безответственное освещение терроризма в СМИ способно спровоцировать двоякую деструктивную поведенческую реакцию у представителей определенных слоев населения, в особенности психически неуравновешенных личностей, и, в первую очередь, из числа молодежи.

С одной стороны, резонанс в СМИ может способствовать распространению идей и целей террористов, появлению новых последователей, сочувствующих или желающих воспроизвести сходную ситуацию. По мнению Г. Почепцова, единичное насильственное действие террористов выступает в роли катализатора новых терактов [7, с.165]. В качестве иллюстрации своей точки зрения он предлагает следующую схему: террорист 1 → событие 1 → новость 1 → террорист 2 → событие 2 → новость 2 и т.д.

С другой стороны, материалы в СМИ о безнаказанности террористов и унижении нации способны вызвать у пострадавших стремление к возмездью, стимулируют проявления агрессивно-экстремистских действий, возрастание случаев расправы, самосуда по отношению к представителям тех национальностей или конфессий, с которы-

ми ассоциируется принадлежность террористов. Применение насилия гражданским населением, зачастую против невиновных людей, в ответ на террористическую акцию напоминает стратегию терроризма. Принцип «кровь за кровь» расшатывает стабильность в обществе и затрудняет урегулирование ситуации со стороны государственных органов.

Многочисленные исследования психологов показывают, что вовлечение населения в террористическую деятельность облегчается в условиях ухудшения социально-политической и экономической обстановки на фоне высокого уровня психологической напряженности общества, характеризующейся ростом негативных эмоций – чувством раздражительности, фрустрации, разочарования и т.п. [26]. В этом случае одним из стимулирующих факторов к участию в террористических акциях может выступать стремление к психологической разрядке, желание преодолеть отчуждение, ощутить принадлежность к всецельной группе. Многими отечественными учеными отмечается, что по этим показателям в современной России сложилась благоприятная почва для распространения террористических идей и групп.

Следующая особенность современного терроризма заключается в резком возрастании количества жертв при совершении теракта. Если на протяжении трех последних десятилетий XX века знаменитое высказывание американского терролога Б. Дженкинса «террористы хотят, чтобы на них смотрело много людей, а не умирало много людей» [27, с.4] относительно соответствовало действительности, то в XXI веке стало очевидным, что терроризм ужесточает свои методы, стремясь как можно к большему числу жертв.

Некоторые эксперты объясняют такое изменение природы терроризма доступностью и распространением новых типов оружия, которые расширяют радиус поражения и вызывают большие человеческие потери. Другие акцентируют

внимание на проповедуемом террористами манипулятивном принципе: «Кто не с нами, тот против нас», согласно которому в их войне существует деление только на два лагеря: «своих» и «чужих» [28, с.32].

Современный терроризм исключает понятие «мирное население», что зачастую становится основным пропагандистским аргументом террористов на право убивать всех, кто не участвует вместе с ними в борьбе.

Стремление террористов к совершению акций со смертельным исходом как можно большего числа лиц следует искать также в снижении восприимчивости населения к почти ежедневно повторяющимся террористическим актам. На данный момент степень эффективности террористической деятельности зависит не от количества проведенных терактов за определенный промежуток времени, а от количества человеческих жертв. На фоне роста общего числа информации об убийствах и катастрофах внимание аудитории акцентируется только на крупных террористических акциях. Таким образом, можно прогнозировать дальнейшую эскалацию террористических проявлений с использованием более драматичных насильственных действий для навязывания темы терроризма в качестве главной международной новости на повестке дня.

Ключевым моментом в разграничении классического и современного терроризма выступают также намерения действующих лиц. В основе теракта обычно лежат сразу несколько взаимосвязанных друг с другом причин. Среди наиболее распространенных ученые выделяют политические, религиозные и идеологические цели. Однако подобная типология не раскрывает истинных мотивов террористов, которые могут использовать этнополитические, конфессиональные, мировоззренческие и иные конфликты только в качестве оправдания своей деятельности. Преувеличение значения второстепенных задач, как правило, опирающихся на идеи спра-

ведливости и борьбы за свободу, и замалчивание иных неблагоприятных целей является характерной чертой современного терроризма.

В связи с этим необходимо указать на недооценку преследования личных интересов в мотивах действий террористов. Как справедливо подмечает С. Расторгуев, «все террористические акты последнего времени имели четкую экономическую подоплеку» [3, с.404]. В настоящее время терроризм стал очень прибыльным, высококоммерческим занятием. Он способен управлять ценами на нефть, влиять на биржевые котировки, разорять туристические агентства и авиационные компании. Террористы заранее изучают возможную реакцию на теракт со стороны финансовых и экономических структур в стране и в мире, осуществляя операции по покупке или продаже акций и недвижимости до его проведения. Таким образом, расходы на подготовку и совершение теракта окупаются в несколько раз в случае его успешной реализации. По точному определению Ж. Бодрийера, классический «терроризм был терроризмом бедных, тот, о котором мы говорим сейчас, – терроризм богатых» [29]. Необходимо подчеркнуть, что оперативное освещение теракта в средствах массовой информации облегчает осуществление намеченных спекуляций.

Для понимания подлинных намерений современного терроризма целесообразно ввести дополнительную классификацию, разделив цели террористов на открыто декларируемые (эксплицитные) и недеклаируемые (имплицитные). Последние, как правило, играют несравнимо большую роль в установлении тесных взаимоотношений терроризма и СМИ. Отсутствие в обществе четкого осмысления различий между декларируемыми целями, их идеологическим обоснованием и личной мотивацией террористов облегчает им, а иногда и некоторым представителям СМИ, пропаганду спекулятивных заявлений, ложных угроз и разного рода мистификаций.

К скрытым мотивам террористов, прежде всего, необходимо отнести преднамеренное создание, распространение и поддержание перманентного состояния страха, чувства небезопасности у населения выбранной территории. По словам А. Мерари, у террористов нет другой явной причины убийства невинных людей, кроме как стремление вызвать панику [30, с.235]. Согласно исследованию фонда «Общественное мнение», через месяц после захвата заложников в театре на Дубровке в октябре 2002 года почти 70% опрошенных в 40 разных населенных пунктах на территории России допускали возможность следующего теракта именно в их городе или поселке [27].

В последнее время участились случаи проявления нового вида современного терроризма – анонимного, когда ни одна организация не берет на себя ответственность за теракт и не выдвигает никаких требований, как, например, в случае воздушной атаки башен торгового центра в Нью-Йорке. Безадресность покушений и неопределенность намерений террористов многократно увеличивают психологический эффект от теракта, создавая крайнюю степень страха. Однако следует подчеркнуть, что нагнетание атмосферы страха не является самоцелью терроризма, а выступает как эффективное средство для достижения конечного результата.

Истинные намерения современного терроризма заключаются в достижении одновременно целого ряда целей по тотальной дестабилизации обстановки во всех сферах жизнедеятельности государства на национальном, региональном и международном уровнях. Роль СМИ в осуществлении этого глобального плана приоритетна. Многочисленные материалы журналистов, повествующих о трагических последствиях терактов, убеждают мир в том, что проблема существует и не может быть проигнорирована, а эмоциональные реакции политиков, экспертов, семей погибших, представляющие проти-

воречивые точки зрения разной тональности, поляризуют общественное мнение и ослабляют сплоченность населения.

Средства массовой информации в коммуникационной стратегии терроризма предназначены для решения следующих основных задач:

Во-первых, террористы нуждаются в поддержке международного сообщества, что становится осуществимым посредством благожелательного освещения в СМИ их целей, а не действий. Акцентирование внимания СМИ на декларируемых причинах, заставляющих, по утверждению террористов, использовать крайние меры, способствует росту симпатии к ним со стороны аудитории. В результате неодобрение насилия отступает на задний план.

Во-вторых, СМИ создают рейтинг самых одиозных террористических организаций. Чем крупнее теракт, тем больший резонанс он получает в СМИ и тем сильнее кажется группировка, осуществившая его. Террористы хотят, чтобы СМИ создавали им образ всемогущества, безнаказанности и непобедимости, парализуя сопротивление противника и внушая ему, что любые анти-террористические меры с его стороны тираничны и непродуктивны.

В-третьих, террористы через СМИ стремятся нанести непоправимый вред своему врагу. Они хотят, чтобы СМИ усилили панику, увеличили экономические потери путем отпугивания потенциальных инвесторов и туристов, подрывали веру населения в способность правительства управлять страной и обеспечивать элементарный уровень безопасности.

В-четвертых, террористы заинтересованы в позитивном освещении средствами массовой информации деятельности неправительственных религиозно-политических организаций, благотворительных фондов, научно-исследовательских центров и иных структур, которые на полуофициальном уровне выражают сочувствие их действиям и могут служить прикрытием для финансирования и сво-

бодного передвижения террористов по разным странам.

В-пятых, террористы стремятся через СМИ добиться роста недовольства граждан действиями властей и правоохранительных органов. Под давлением общественного мнения правительство способно действовать необдуманно, совершая ошибочные действия или воздерживаясь от принятия необходимого волевого решения, что может привести к ликвидации демократических институтов и затруднит нормальное функционирование государственных органов.

### Список литературы

1. Resolution 1373 (2001) Adopted by the Security Council at its 4385th meeting, on 28 September 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/392A001F254B4B9085256B4B00708233](http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/392A001F254B4B9085256B4B00708233)
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Журналист. – 2000. – № 10. – С. 14-27.
3. Расторгуев С.П. Терроризм как элемент информационной операции / Информатика. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. – М.: Радио и связь, 2002. – 415 с.
4. Lukaszewski J. The Media and the Terrorist: A Dance of Death. – Clearwater Beach, Florida, 1987. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.e911.com/speeches/mediaandterrorists.html](http://www.e911.com/speeches/mediaandterrorists.html)
5. Wilkinson P. The Media and Terrorism: A Reassessment // Terrorism and Political Violence. – 1997. – Vol. 9. – № 2. – P. 51-64.
6. Хиршман К. Меняющееся обличье терроризма / Международный терроризм и право / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 147 с.
7. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2003. – 384 с.
8. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 3-19.
9. Schmid A. Terrorism and the media: The ethics of publicity // Terrorism and Political Violence. – 1989. – Vol. 1. – № 4. – P. 539-565.
10. Hoffman B. Inside Terrorism. – N.Y.: Columbia University Press, 1998. – 288 p.
11. Rapoport D.C. Inside Terrorist Organizations. – N.Y.: Columbia University Press, 1988. – 259 p.
12. Weimann G., Winn C. The Theater of Terror: Mass Media and International Terrorism. – N.Y.: Longman, 1994. – 295 p.
13. Dowling R. Terrorism and the Media: A Rhetorical Genre // Journal of Communication. – 1986. – Vol. 36. – № 1. – P.12-24.
14. Bell J. Terrorist Scripts and Live-Action Spectaculars // Columbia Journalism Review. – 1978. – № 17. – P. 47-50.
15. Лакер У. Истоки // Иностранная литература. – 1996. – № 11. – С. 190-202.
16. Laqueur W. Terrorism. – Boston: Little Brown and Company, 1977. – 27p.
17. Витюк В.В., Данилевич И.В. Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема / Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН 2003. – С. 7-41.
18. Schmid, A.P., Jongman A.J. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. – New Brunswick: Transaction publishers, 2005. – 700 p.
19. Schmid A., de Graf J. Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media. – London; Beverly Hills, CA.: Sage, 1982. – 283 p.
20. Combs C. Terrorism in the twenty-first century. – Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2003. – 305 p.
21. Hacker F. Crusaders, criminals, crazies: terror and terrorism in our time. – N.Y.: Norton, 1976. – 355 p.
22. Введенская Т.Ю., Дзигумская Е.А. Международный терроризм: психологический аспект // Материалы научной конференции «Проблемы политической психологии». – Киев, 1997. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/terror2.htm>

23. Хрусталева М. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. – 2003. – № 2. – С. 55-67.

24. Трубицына Л.В. Средства массовой информации и психологическая травма / Проблемы медиапсихологии / Сост. Е.Е. Пронина. – М.: РИП-холдинг, 2002. – 158 с.

25. СМИ в ходе терактов: в зоне повышенной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2004/05/25/162639.html>

26. Щеглов А.В. Анатомия терроризма: проблемно-психологический анализ

// Право и политика. – 2000. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/terror11.htm>

27. Jenkins B. International Terrorism: A New Mode of Conflict. – Los Angeles, CA: Crescent Publications, 1975. – 51 p.

28. Поуст Дж. Мы против них: групповая динамика политического терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – 1993. – № 4. – С. 29-44.

29. Baudrillard J. L'esprit du terrorisme // Le Monde. – 2001. – Le 6 Novembre.

30. Merari A. Terrorism as a Strategy of Insurgency // Terrorism and Political Violence. – 1993. – Vol. 5. – № 4. – P. 213-251.